

Ответив на сообщение Чу Жунмяня, Сюй Линван, чтобы немного разгрузить голову, сыграл одну партию в видеоигру и сразу лег спать.

Благодаря своим подработкам Линван стал настоящей знаменитостью в академии. Он собирал все заказы на вечер, чтобы разнести посылки по разным корпусам за один заход. Ради этого дела он, скрепя сердце и жалея каждую потраченную монету, купил два огромных брезентовых мешка. Зато такая «прогулка» заменяла полноценную тренировку — ноги стали куда выносливее и быстрее.

У каждого общежития стояли специальные стеллажи для посылок и вещей на отправку. За доставку крупной посылки Линван брал пять кредитов, за мелкую — два. Спрос в университете был огромный: студенты народ ленивый, а их время стоит дешево, так что за один рейд Линван умудрялся заработать сто-двести кредитов. У него даже появились постоянные клиенты, которые доверяли свои посылки только ему. Так, потихоньку, он обрастал связями.

Когда он выходил из женского общежития омег, навстречу ему выскочил Ся Юй: — Сюй Линван! Папа прислал мне гостинцев из дома. Подожди секунду, я сейчас вынесу, угощу тебя!

— Не стоит, оставь себе, — отрезал Линван. — У меня еще дела, я пойду.

Ничто не могло отвлечь его от заработка. Чувства Ся Юя были для него очевидны, и Линвану было немного неловко. Он считал: если человек тебе не нравится, не стоит давать ему ложную надежду. Ся Юй проводил Линвана тоскливым взглядом и понуро побрел обратно.

Чу Жунмянь, наблюдавший за этой сценой, сложив руки на груди, лишь хмыкнул про себя, глядя на гору посылок внизу. Позже, в учебной части, разбирая документы, Жунмянь из любопытства заглянул в личное дело Ся Юя. Оказалось — сын губернатора планеты. Заметив, что вазочка с персиковыми леденцами снова пополнилась и Линван уже успел стащить парочку, Жунмянь невольно дернул бровью. «Неужели он настолько любит персики?»

В студсовете аромат персика был под негласным запретом — никто не осмеливался есть при председателе что-либо с этим вкусом, чтобы не нарываться на неприятности (ведь это был запах его феромонов).

Закончив с бумагами, Линван собрался на полигон — он твердо вознамерился получить стипендию. Жунмянь поинтересовался, куда он направляется.

— Мне тоже нужно на полигон. Пойдем вместе.

— Хорошо, председатель, — отозвался Линван.

Уже на месте Жунмянь предложил: — Давай проведем спарринг.

Жунмянь тренировался с малых лет под руководством отца и не раз бывал в зонах боевых действий. Его техника была закалена в настоящем огне. Линван о такой возможности мог только мечтать: померяться силами с профи!

Жунмянь призвал свой мех «Глубокое море» — изящная машина с плавными линиями, от которой веяло ледяной мощью. Пальцы манипуляторов были оснащены черными бронебойными когтями. На фоне этого шедевра техники мех Линвана выглядел жалко. Жунмянь разделался с ним за три хода.

— База слабая. Слишком медленно, не хватает гибкости, — вынес вердикт председатель. Он

только разогрелся и явно не собирался так просто отпускать Линвана.

Линван не унывал. Сбитый с ног, он снова и снова поднимался, демонстрируя живучесть сорняка. Жунмянь заметил, как парень на лету схватывает его замечания и подстраивается. В глазах председателя мелькнуло одобрение, и он начал понемногу замедляться, «натаскивая» помощника и показывая ему приемы.

Линван чувствовал это доброе намерение и был искренне благодарен. В академии говорили, что Чу Жунмянь заносчив и смотрит на всех свысока, но при личном общении он оказался вполне адекватным. К тому же, благодаря любви председателя к чаепитиям, Линван уже успел перепробовать немало элитных десертов.

Терпения Жунмяня хватило на полчаса. Он покинул мех, оставив Линвана отрабатывать движения самостоятельно. Линван не расслабился ни на секунду, продолжая тренировку в одиночку. «Схватывает на лету», — отметил про себя Жунмянь.

Тренировка закончилась уже вечером. Жунмянь ждал его у выхода: — Пойдем поужинаем вместе, нас пригласили.

— Председатель, я, пожалуй, откажусь...

Жунмянь вскинул взгляд: — Это мой лучший друг, он обожает компании. Столик на троих уже заказан, не пропадать же еде. Не волнуйся, это здесь рядом, в университетском городке, много времени не займет. Или ты настолько не уважаешь меня, что не можешь составить компанию?

После таких слов у Линвана не осталось выбора: — Хорошо, спасибо за приглашение.

Уголки губ Жунмяня едва заметно приподнялись: — Тогда идем.

Эта парочка притягивала взгляды: оба статные, видные, а золотистая косичка и сапфировые глаза Жунмяня и вовсе служили визитной карточкой. Кто в этих краях не знал единственного сына маршала Чу, да еще и омегу? Альфа рядом с ним казался холодным и сдержанным, но в каждом его движении чувствовалась порода; раньше его здесь не видели.

В университетском городке было всё для отдыха: это место — средоточие элитных вузов и талантов со всей страны. Жунмянь провел Линвана на второй этаж. Официант встретил их с улыбкой: — Господин Чу, у вас забронировано?

Жунмянь назвал номер, и их провели в кабинет.

Там уже сидел молодой человек. У него было изящное, благородное лицо и вид истинного повесы. Завидев Жунмяня и Линвана, он расплылся в улыбке: — Наконец-то! Садитесь скорее. Я уже заказал пару фирменных блюд, а остальное выберите сами.

Голос его был мягким, вкрадчивым, словно весенний дождь.

Линван сел рядом с Жунмянем, и тот пододвинул ему меню. Бай Нянь знал вкусы друга, так что выбор стоял за Линваном. Парень был неприветлив: заказал сладкий суп, и этого было достаточно. Когда официант ушел, в кабинете воцарилась уютная тишина.

Бай Нянь исподтишка разглядывал Линвана. Манеры, внешность — «экземпляр» определенно достойный. Когда он звал Жунмяня на ужин, тот спросил, не против ли он третьего лишнего. Бай Нянь, разумеется, был только за.

— Это мой старый друг Бай Нянь, — представил Жунмянь. — Он учится искусству, натура довольно ветреная. А это Сюй Линван, первокурсник и мой нынешний помощник.

Бай Нянь, приняв подобающий светский вид, сдержанно кивнул: — Рад знакомству, младший Сюй.

Заметив на друге обновку, он добавил: — Этот кобальтово-синий тебе очень идет.

Жунмянь горделиво вскинул подбородок — комплимент пришелся по вкусу.

— Старший брат Бай, вы занимаетесь живописью? — вдруг спросил Линван. Бай Нянь искренне удивился: — Как ты узнал?

Жунмянь тоже с любопытством воззрился на помощника. Линван улыбнулся: — Вы очень внимательны к сочетанию цветов в одежде. Выбирая место, вы подсознательно избежали прямого света от потолочной лампы. Когда мы вошли, вы первым делом оценили наш облик. Обычный человек сказал бы, что на председателе «красивая синяя рубашка», но вы уточнили — «кобальтовая». И главное: у вас под ногтями остались следы графита, а сами ногти коротко острижены — так выглядят руки художника. Впрочем, это лишь мои догадки.

Бай Нянь на мгновение лишился дара речи, а затем открыто рассмеялся: — В точку! Я и правда учусь на художника.

— Мой младший брат сейчас в одиннадцатом классе и тоже готовится поступать на художественное, — пояснил Линван. — Наверное, поэтому вы показались мне кем-то знакомым.

Эта деталь окончательно расположила Бай Няня к Линвану. Тот упомянул брата специально, чтобы разузнать побольше о Столичной академии художеств, и вскоре между ними завязалась оживленная беседа. Жунмянь тем временем прихлебывал чай. Ему пришло сообщение от Ван Юя, которое он благополучно проигнорировал. Поскольку между ними всё еще стоял авторитет маршала, Жунмянь не удалял его из контактов, но отвечал лишь в крайних случаях. Убедившись, что от отца новостей нет, он оставил послание Ван Юя без ответа.

На другом конце города Ван Юй тоже гулял с друзьями. Он хотел позвать Жунмяня присоединиться, но тот молчал. Подавляя раздражение, Ван Юй перечитывал их переписку: сплошной монолог. Жунмянь не отвечал почти ни на что, кроме дел, касающихся маршала. Ван Юй залпом осушил бокал. Горло обожгло, но в груди всё равно полыхало пламя досады.

— Брат Ван, не пей в одиночку, давай вместе! — крикнули ему.

К ночи Ван Юй был уже изрядно пьян. В номере отеля он тер виски, пытаясь унять пульсирующую боль. Он закурил; сквозь кольца дыма его взгляд стал жестким и ясным. С тех пор как пришли результаты их совместимости, семья заставляла его лезть из кожи вон, чтобы породниться с кланом Чу. Он сделал всё: бросил парня, разогнал всех поклонниц, стал воплощением нежности и покорности — а Жунмянь оставался неприступным, как скала. Ради этого брака Ван Юй на четвертом курсе отправился на фронт за военными заслугами. Теперь, когда раненый маршал вернулся в столицу, Ван Юй решил во что бы то ни стало закрепить успех и дожать помолвку, пока не стало поздно.

«Стоит только поставить ему окончательную метку и жениться — и он поутихнет. А когда я

получу статус зятя семьи Чу, то укреплю свои позиции, и тогда вокруг меня будет сколько угодно омег», — цинично размышлял он. С этой мыслью он отправил Жунмяню еще несколько приторно-заботливых сообщений. Снаружи забарабанил дождь, и Ван Юй с раздражением захлопнул окно.

Небо затянуло тучами, начался ливень. У компании не было зонтов, поэтому Бай Нянь сбежал и купил два.

— Я пойду один, а вы берите второй на двоих, — бросил он, всучил зонт Жунмяню и скрылся в стене дождя. Жунмянь тут же переложил зонт в руку Линвану, ожидая, что тот раскроет его над ним.

Линван: «...»

Линван раскрыл зонт. Они пошли бок о бок. Зонтик был маловат: чтобы не вымокнуть, приходилось прижиматься друг к другу. Воспитание и социальные нормы мира АО сделали свое дело: Линван инстинктивно наклонил зонт в сторону Жунмяня, полностью укрывая его от капель.

Шум дождя заглушил все звуки города. Жунмянь всматривался в дорогу сквозь водяную завесу; периодически налетал порывистый ветер. Утром было жарко, и они оделись легко, так что теперь по телу пробегал холодок. У витрин магазинов толпились студенты без зонтов. Впереди шла парочка: альфа держал зонт так, что сам был сухим, а плечо его омеги заметно намокло, но тот молчал.

Жунмянь заметил, что его собственное плечо сухое, а вот Линван уже начал промокать. Помедлив секунду, он протянул руку и взял Линвана под локоть, прижимаясь плотнее. Теперь зонт надежно закрывал и плечо помощника.

— Так места будет больше, — бросил Жунмянь. — Сначала проводи меня до общежития.

Под куполом зонта пространство казалось до тесноты узким. Внезапная близость рук и соприкосновение тел заставляли их чувствовать тепло друг друга — оно казалось обжигающим на фоне прохладных капель дождя, летевших снаружи.

Этот контраст холода и жара изводил душу.

Сердце Сюй Линвана забилося чаще, и он изо всех сил старался сохранить самообладание. Золотистая косичка Жунмяня в какой-то момент перекинулась ему на грудь, и кончики волос едва заметно задели руку Линвана, сжимавшую рукоять зонта.

Его рука, словно зажатая в тиски, одеревенела и не могла пошевелиться. Прикосновение волос отозвалось в теле коротким разрядом тока, пробежавшим от тыльной стороны ладони до самых кончиков пальцев.

Шея Линвана мгновенно покраснела, кадык судорожно дернулся. Он с ужасом осознал: его период гона начался раньше срока.

Стиснув зубы, он довел Жунмяня до дверей общежития, отчаянно подавляя запах своих феромонов. К счастью, он привык сдерживаться, и нынешняя интенсивность гона пока поддавалась контролю.

— Председатель, я пойду, — не дожидаясь ответа, Линван ускорил шаг и быстро исчез в пелене дождя.

<http://bllate.org/book/16059/1437019>